

Влад Капустин

Современные рассказы

Рассказы

Эмигрант

Стоял пасмурный майский день. Такое иногда бывает. Вроде бы весна, почти лето, а на улице хмуро и дождливо. Почти подстать моему настроению. Я еду с вокзала. В боковом кармане пиджака четыре железнодорожных билета до Екатеринбурга. На всю семью. Боже мой, как же все-таки дико звучит слово «эмигрант» после семидесяти четырех лет Советской власти! Особенно когда объясняешь собеседнику, откуда ты приехал. Украина вдруг в одночасье стала заграницей. Одесса-мама и русский Севастополь отданы единокровным братьям, как при дележе добротного дома только что умершего отца. Каждый правдами-неправдами оторвал себе кусок от нажитого когда-то одной страной - Российской империей, Советским Союзом. В общем, все это можно называть как угодно, смысл особо не меняется.

Веселая музыка, раздававшаяся из кафе «Арарат», подсказала мне мысль о том, что не мешало бы проститься с когда-то любимым и шумным заведением, выпив крепкого кофе с хорошим коньяком. Через три дня нужно уезжать в Россию, а такое событие следует отметить...

В небольшом, но уютном зале было немного посетителей, возможно, сказалось утреннее время, впрочем, был понедельник. К моему огорчению, из спиртных напитков была только водка, кофе же не было вообще. Пришлось ограничиться стограммовым стаканчиком горькой и двумя шоколадными конфетами. Я подсел к одиноко сидевшему парню, кутившему «Мальборо».

- Не помешаю? – спросил я ставя свой стакан на стол.

- Садись, старина, места хватит, по-дружески пригласил меня незнакомец и жадно затянулся сигаретой.

- Вот, прощаясь с городом решил отметить сие событие... - начал нерешительно я, пытаясь завязать разговор.

- А что так? – равнодушно спросил сосед.

- Уезжаю в Россию, навсегда, - улыбнулся я.

Мой сосед оживился и уже с большим интересом посмотрел в мою сторону :

- Русский?

Я утвердительно кивнул головой.

- Я почти тоже. Отец – русский, мать – украинка. Давай, старина, познакомимся.

- Славик, протянул он руку.

- Виктор, - ответил я на крепкое рукопожатие.

- И куда собрался, если не секрет?

- Не секрет, в Екатеринбург.

- А что, ближе ничего не было?

- Сюда, во Львов, мало кто хочет ехать из центральной и южной России. Были варианты обмена квартир только на Урале и в Сибири. Я выбрал Урал.

Наступила пауза, в течении которой каждый отхлебнул из своего стакана по глотку водки.

- Да, задумчиво протянул Слава. Суверенитеты объявлены, а граждане «независимых государств» не знают теперь : хорошо это, или плохо?

- Я вот до сих пор не принимаю и не понимаю такого факта, что Россия стала для нас зарубежной страной. Ты это можешь понять?

- А я и не хочу понимать, - ответил я. Ибо скоро буду жить в России, и все что здесь творится, вскоре забуду, как страшный сон.

-А как же мы? Русские, которые здесь остаются? Просто люди, которые не мыслят себя вне русской культуры, как быть им, ты подумал? – разгорячился Слава, залпом осушая свой стакан.

-Ты посмотри, продолжал он дальше, - закрываются русские школы, а кое-где уже звенят и разбитые стекла, улицы переименованы в честь националистов, люто ненавидевших любые нации и в первую очередь русских. Расскажу тебе недавний случай, произошедший со мной в центральном скверике, что возле памятника Шевченко. Кстати, к слову будет сказано, скоро памятников великому Кобзарю будет столько же сколько в свое время понастроили вождю мирового пролетариата - Ленину. Оскомину набьет, увидишь. А если еще вспомнить что сегодняшние школьники начинают уроки с песни : «Ще не вмерла Україна...» Короче дружище, в сией глупости они даже большевиков переплюнули. Мы ведь с тобой, в школе «Интернационал» не исполняли?

-Так вот, вернусь к ранее сказанному, гуляли мы с дочерью в сквере, и она отбежав от меня на несколько шагов, неожиданно позвала :

-Папа! Иди сюда!

Проходивший в это время старик, сквозь зубы процедил : «Оккупанты! Геть звидсы!»

-А помнишь, 8-го мая, когда ветераны войны пытались собраться в оперном театре на праздник Победы, а националисты из УНСО* их не пустили да еще при этом поиздевались над несчастными стариками.

-Но Слава, - я попытался быть объективным. Может быть, это лишь пена и придет время – все уляжется. Пойми, украинцы никогда не имели своего государства, а тут вдруг такой подарок после горбачевской перестройки. Вот и закружилась голова от пьянящей душу свободы.

-Все не так просто, - покачал головой мой собеседник. Не забывай, дорогой, что здесь и вера другая, греко-католическая. А вера, брат, делит людей иногда и на разные государства, хотя они могут быть и одной национальности.

Слава заказал еще два стакана водки. Я было запротестовал, но он жестом, не терпящим возражений, дал понять, что не желает больше ничего слушать, и я замолчал. Мы сделали по хорошему глотку горькой и оба одновременно скривились. Наверное, со стороны все это выглядит весьма забавно, подумал я. И словно в подтверждение моей мысли Слава сказал :

-Уж сколько пью эту гадость, а все не могу привыкнуть к ее вкусу. Я то и пить в основном, начал в Афганистане. Там если мы шли на дело, то часто обязательно выпимши. По трезвяне иногда страх брал. А это считай, в бою почти проигрыш. Его помутневшие от водки глаза налились кровью, а правая рука непроизвольно размяла в табачный порошок оставшиеся в пачке сигареты.

-Это было осенью 86-го года, продолжал он. По наводке нашего человека мы где-то в полночь окружили один кишлак и внезапно ворвались в один из вонючих домов, вернее, и домом-то его нельзя было назвать, так себе хибара из глины и песка. Нам в тот раз повезло : главарь местной банды моджахедов ужинал с семьей. -Эх Витя сколько эта сволочь наших ребят уничтожила! Да еще как! По-садистски. Одному пленному лейтенанту эта сука залила голову свинцом, а потом машиной раскатала так, что она стала просто плоской. Я когда увидел привезенное тело, едва сознание не потерял. Ну, конечно, и мы не ангелы были. Привязали этого лысого к

* УНСО (Украинский националистический союз обороны)

дереву, а жену с детишками, которая выбежала к нам и на коленях стала просить о пощаде, пинками загнали обратно в хижину. А теперь представь сцену. Детей было что-то около десяти душ. И наш БТР раскатал всю эту кучу с домом, как асфальт под мощным катком. Ох, и орал же тогда этот лысый! Я его крик, наверное, на всю жизнь запомню. Да и сам крик был не человеческий. Страшный. Помню, мы после этого к нему подошли. А он уже не дышит. Наверное, сердце не выдержало. Я залпом выпил свой стакан и уже совершенно другими глазами посмотрел на своего соседа. Я еще никогда не видел глаза убийцы так близко и почему-то всегда думал, что эти люди с узким лбом и обезьяним оскалом. Как говорил великий Энштейн, в этом мире все относительно. И это в очередной раз подтвердилось. Мой собеседник был симпатичный парень. Наверное, тот привязанный к дереву душман, на глазах у которого убивали его семью, был тоже не уродом и любил своих детишек. Но как же все преобразается, когда у обыкновенных людей появляется ненависть и злоба, когда теряется здравый рассудок! Невольно вспоминаешь заповедь из Нового Завета :

«Отрезвитесь, как должно, и не грешите; ибо к стыду вашему скажу, некоторые из Вас не знают Бога».

Да, если бы человечество жило так, как к тому призывает Библия и Новый Завет, возможно, мы бы уже при жизни познали земной рай. Если бы....

Наш разговор неожиданно прервали трое молодых парней, остановившихся возле нашего стола.

-Биля вас можна систы?

-Садитесь, равнодушно сказал Слава.

Один из них, уже изрядно хмельной и поэтому будучи в хорошем настроении, театрально произнес :

-Сидай панство, москали дозволяли.

Толстый, с огромными кулачищами, он с видом хозяина плюхнулся на лавку, оставшиеся двое последовали его примеру.

-А что, мужики, сильно не любите русских? – исподлобья спросил Слава.

-Га! Да за що вас любыты? Спочатку голодомор на Вкраини влаштували, а потім до Сибіру нас повывозылы.

-А ты толстый, думаешь, что в Сибири русские не гнили? Или, быть может, вы западенцы, этот самый голодомор 33-го видели? Вас-то Россия присоединила к себе только в 39-ом. Хорошее быстро забывается. Поляки называли вас быдлом. А в самом Львове украинцев жило что-то около 15 процентов от общего населения. Использовали вас только на самых грязных работах. Аль не знаешь ты этого, бугай розовощекий?

-Ах ты москаль поганый! Толстяк попытался встать, но уже через мгновение его грузное тело неохотно сползло под лавку, а окровавленная голова уткнулась в пустой стакан на столе. Слава стоял с разбитой пустой бутылкой из-под водки в плотно зажатой руке.

-Славик, ты что!? Невольно ставший свидетелем столь бурного события, я попытался что-то предпринять во избежание дальнейшей крови. Но видно, было уже поздно. Раздался истерический крик :

-«Хлопцы! Москали, наших бьют!» Послышался шум опрокинутых лавок, и из-за соседних столов поднялись пять-шесть молодых парней.

-Всем лечь на пол! Все сразу замерли, и десятки человеческих глаз ясно увидели черный ствол пистолета. Слава передернул затвор. После чего возникло еще

большее замешательство, ибо многие из присутствующих впервые видели настоящее оружие.

-Повторять больше не буду! Слава нацелился в ближайшего от него парня, и тот от ужаса упал на пол. После этого произошла как бы цепная реакция. Половина зала была усеяна лежащими телами, когда последовала следующая команда : «Руки за голову!»

Теперь приказы выполнялись беспрекословно.

-Слушайте меня внимательно. Кто хочет жить, пускай не выходит из этого кабака в течении десяти минут! Где-то зазвенел упавший поднос и раздался испуганный женский вскрик , насмерть перепуганная барменша не выдержав столь нервного напряжения, тихо присела на свободную скамью возле стола.

-Приятного веселья, вельможное панство! Слава потянул меня за руку к выходу, и вскоре за нами хлопнула массивная железная дверь. Все произошло так быстро, что до сих пор не верилось в реальность случившегося. Мы торопливо шли, почти бежали, пока, наконец, не остановились в одном из тихих переулков, тяжело дыша, совершенно трезвые.

-Откуда у тебя пистолет? Жадно глотая воздух, спросил я.

-Привез из Афгана. Вообще-то я его почти никогда не беру с собой, но сегодня он нам явно помог. Неправда ли?

-Но ты же мог случайно кого-то убить, ужаснулся я.

-Ох, какой ты правильный! Не подступишься! Возможно, я бы это и сделал, кабы в обойме был хотя бы один патрон. Ты Виктор, не знаешь афганцев. Мы другие люди. И уже привыкли убивать даже невинных, а сегодня я был оскорблен и очень сильно. Пускай этот толстый боров еще благодарит Бога, что так легко отделался.

-Ладно, не обижайся, примирительно сказал Слава.

-Давай я тебя немного провожу, вряд ли мы с тобой когда-нибудь еще встретимся.

-Ну почему? – удивился я. Я тебе оставляю адрес. И ты сможешь приехать ко мне в гости.

Слава ничего не ответил, а лишь неопределенно кивнул головой. Наступило продолжительное молчание. Мы шли не спеша по площади Рынок и мне вдруг пришла в голову страшная мысль, что возможно я уже никогда не смогу гулять по этому красивому городу. Ведь никто не знает, что произойдет в скором будущем между двумя братскими государствами при столь непримиримом национализме Западной Украины.

Я оставлял город, в котором вырос и который полюбил. Я уезжал в Россию, которую плохо знал, хотя и был русский. Вновь придется все начинать с нуля, хотя мне было уже далеко за тридцать, и к этому нужно было привыкать. Привыкать... Невероятно дико звучит в моем сознании слово «эмигрант» по отношению ко мне и моей семье. Но это так. Это не сон и не видение. Ибо эта реальность разрезала по живому судьбы многих русских семей. Как скоро зарастет сия кровоточащая рана? На это, возможно, мог бы ответить только Бог. Но к великому сожалению, Он никогда не вступает в словесные контакты со смертными.

Есенин

Сейчас Володька, погодь, я быстро – Алексей уверенно отлил в замусоленный от многих рук, невымытый стакан грамм сто прозрачной жидкости и удовлетворенно поставив на стол 250-граммовую бутылку водки, именуемую еще в народе как «четвертушка», быстро осушил свою емкость.

-Ну вот, теперь можно и в подвал лезть. Тело почти разогрелось. Водичка внизу та еще... лед! И только! Не смотри, что конец августа, сейчас и сам убедишься в правоте моих слов. На Урале последний месяц лета – это уже осень!

Володя молча посмотрел вокруг себя, но кроме одиноко стоящей железной кровати, грубо сколоченного стола из досок, за которым сидит Алексей, грязного рванья-тряпья и аккуратно сложенных вдоль стены будущей комнаты десятка два хорошо просушенных брусков для строящегося двухэтажного коттеджа, больше ничего не увидел.

-Слушай, Леха, а чем же ты после «купания» вытираться будешь?

-Чем, чем... сам видишь, нечем! Вот скину эту жалкую одежонку, которую я нашел среди этих тряпок, и одену вновь свою пятнистую форму охранника, на этом и закончится все мое вытирание.

... Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубахе
Под иконами умирать...

Неожиданно прочитал по памяти четверостишие Алексей и подняв вверх указательный палец, сказал : Есенин! Хорошо сволочь писал, я много его стихов наизусть знаю.

-И все же не пойму я тебя, хотя ты и большой ценитель поэзии. В герои, что ли записаться хочешь, раз берешься выполнять такую работу? Удивленно пожал плечами Володя.

-Я, к примеру, согласился только потому, что по другому у Титова (директор частной охранной фирмы) зарплату не получить, у этого жадного нового русского, как в сталинском колхозе, нужно отрабатывать свои трудовни. А если не хочешь вкалывать на дядю – не получишь денег, жди, как говорит Титов, пока они появятся. Сейчас с зарплатой по всей России туго. Заводы простаивают, шахтеры бастуют, ну и т.п. Ну да Бог с ним! Я согласился на эту работу, да, но ведь я в длинных резиновых сапогах, и стоять буду только у входа в подвал, принимая от тебя мокрые доски... А ты, будешь находиться в этом подземелье по грудь в воде! Чувствуешь разницу?

-Чувствую, Володя, чувствую. Но все равно я не могу отказаться от этой работы, потому что полностью завишу от Титова. Дома нет, прописки нет, семьи нет, бабы тоже нет, попробуй, откажись! Я ведь сейчас бомж. Живу у него в офисе, как сторож – больше нигде. Там теперь мой дом. Выгонит меня, куда пойду? Увидев удивленные глаза коллеги, Алексей усмехнулся.

-Чего глаза вытаращил, не знал небось мою историю? Впрочем, где же тебе знать, если ты работаешь у нас неполных три месяца. Алексей помолчал и затем продолжил.

-Вот Титов обещал мне, как только построит свою дачу-коттедж, отведет в мое распоряжение одну комнату для жилья. Буду дом охранять и за садом ухаживать, сам видишь где мы находимся, на окраине города, людей мало, оттого всякие неожиданности могут возникнуть без должного присмотра. А вообще, я тебе вот что скажу : людей злых и завистливых всегда больше нежели добрых и бескорыстных. Я это давно подметил.

Скрипнула жалобно панцирная кровать, неожиданно освободившись от примерно шестидесятикилограммового веса Алексея.

-Ладно Володя, немного погутарили и будет. Пока солнышко светит надо за работу браться. Алексей вдруг зачем-то взял в руки «четвертушку», нежно, словно мать на родное дитя, посмотрел на оставшуюся водку и немного подержав емкость в руках, вновь осторожно положил ее на доски-стол

-После работы, малость погреюсь окаянной, как-то ласково прозвучал его голос.

-Сколько же раз, она родимая, мне жизнь спасала. Веришь, без нее бы давно уже в петле болтался. А ведь всякое бывало и тоска, и холод собачий...

Не говоря больше ни слова, Алексей уверенно начал спускаться по лестнице без перил вниз к сырому подвалу.

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым,
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Вновь начал цитировать русского поэта Алексей.

-Пришли! Еще не войдя в мутно-зеленую воду плохо освещаемого подвала, вдруг передернул он плечами.

-Ох, как неохота лезть туда! Любитель Есенина посмотрел на Володю. Короче так, я буду сейчас посылать тебе вплавь доски, а ты их лови и аккуратно складывай. Все нужно делать быстро. Долго в холодной воде мне не выдержать.

-Сколько денег имеет, мать его! И все ему мало! Жалко что ли нанять технику, чтобы спокойно, без ущерба человеческому здоровью откачать отсюда воду? - выругался Володя.

-А, что сейчас говорить! Алексей с досадой махнул рукой и словно приговоренный на казнь, обречено полез в воду.

-О-о! У-у! – послышались эмоциональные крики Алексея.

-Холодна водица! По грудь в воде Алексей вскоре дошел-доплыл до плавающих досок. Володя же, в резиновых сапогах по самые бедра, осторожно спустился вниз по каменным ступенькам. Так и не пройдя до конца лестницы, он остановился возле подвального дверного проема, осторожно заглядывая во внутрь полутемного помещения. Влажные бетонные стены немного освещал дневной свет из открытого настежь небольшого подвального окна. Вода была уже намного выше колена и поэтому спускаться еще ниже у Володи не было никакого желания.

-Принимай, охрана! Невдалеке раздался тихий всплеск воды и первая набухшая от воды трехметровая доска, словно лодка, разрезая всей своей массой водное пространство, быстро доплыла к ногам Володи. Работа шла быстро, так как условия в которых находился Алексей, не давали времени для расхолаживания. От мокрого, тяжелого дерева у Володи начали уставать руки. О ровном складировании досок не могло быть и речи. Владимир кидал их, как попало и как можно дальше от

себя. Тем временем гора древесины разрасталась все больше и больше. И Володе все труднее удавалось находить свободное место для очередной доски.

-Леха! Кончай работу! На сегодня хватит! Возле тебя много еще плавает этого дерьма?

-Да штук д-д-двадцать е-еще бу-удет! Заикающийся Алексей был неподражаем.

-Ну и хватит! Гребни сюда, довольно свое здоровье на этого гада распылять!

П-п-пой же пой на проклятой гитаре,
П-пальцы пляшут твои в полукруг
З-захлебнуться бы в этом угаре
Мой последний, единственный друг...

Голос Алексея был слышан как бы вдалеке, но тем не менее, перед стоящим уже на сухом месте Володей, он появился неожиданно, словно из-под земли. Сейчас он напоминал странное существо, на котором висели зеленые водоросли.

-Ну, «Есенин», и умора же ты, однако! Ты либо уже чокнулся на своих стихах, либо на подходе к этому. Пошли быстрее переодеваться.

Володя первым начал подниматься на второй этаж недостроенного дома. Бетонный пол еще не был покрыт деревянными полами и поэтому вымытые водой Володины сапоги сразу покрылись серой грязью. На тряпичные ботинки с замком по середине, которые были на Алексее, смотреть было вообще тяжело. Стекающие водой, они при соприкосновении с мусором моментально покрывались серой чешуей многослойной пыли, представляя собой теперь смешное и жалкое зрелище. Алексей раздобыл где-то старый, изношенный до дыр шерстяной красный шарф. Сняв мокрые ботинки он посиневшими ступнями ног, блаженно улыбаясь встал на теплую шерсть и начал быстро снимать с себя мокрую одежду.

-А расскажи-ка мне Леха, как ты умудрился стать бомжом? Лет-то тебе сколько? Володя, наконец, снял с ноги и второй сапог.

-Сорок шесть, - ответил Алексей, с трудом натягивая на мокрое тело сухую майку.

-Ну вот видишь, возраст солидный, а ты к старости без крыши над головой остался. Неужто квартиру продал, а затем все деньги на пьянку спустил?

-Да нет, не так все было. Алексей уже переделся в свои изношенные кроссовки и стал наливать остатки водки в стакан.

-Ох, родимая, хорошо греет! Вытер влажные губы враз повеселевший Алексей.

-У тебя денег при себе нет? Отдам потом! Алексей с надеждой посмотрел на Володю.

-Нет, конечно – покачал головой Володя.

-Жаль, - огорчился Алексей. А то я только отходить начал от холода. Ну, а насчет моей бомжовской жизни, если интересуешься, то слушай. Видишь ли, я четыре года в тюрьме отсидел. Жена за это время другого себе хахалю завела. Так долго, видите ли, ждать не захотела. И это несмотря на то, что у нас с ней есть двое детей. Мать моя умерла, пока я еще на нарах сидел. А прописан я был у нее на квартире. При Советской власти, сам знаешь, как было. Пол года дома не живешь, выписывают. Так и ушла моя квартира к другому дяде. После заключения сразу к жене поехал, бутылку взял, думал как родного примет. Она мне дверь открыла, а за ней бугай розовощекий стоит и мой чемодан с вещами наготове держит. Я ей : «что же ты сучка, мол, мне еще в зоне ничего не сказала о таком сюрпризе?», а она мне : «расстраивать не хотела, мало ли, чего еще там с собою сделал бы».

Алексей замолчал задумчиво, уткнувшись взглядом в окно, пахнущее свежим, еще не крашеным подоконником.

-А сел за что? – не унимался Володя.

-В тот день мы по городу гуляли : я, жена и ее подруга, - не отрывая взгляда от окна, немного помолчав, продолжил Алексей. Недалеко от Плотинки (набережная реки Исеть) навстречу нам идут двое молодых парней. Оба, сам понимаешь, уже навеселе. Ну и начали к женщинам моим приставать. Один из них говорит : «Поделись бабой, тебе на одного- двоих многовато будет». И не спрашивая, хватает мою жену и волочет за собой. Та, естественно, в крик. Я ему : «оставь мою жену!» А второй мне с боку как заедет кулачищем, ну я и покатился в траву. А они, сволочи, уже и подружку жены лапают, целовать пытаются. Веришь, от такой наглости у меня в голове помутилось. Совершенно случайно тут же в траве я стальной прут увидел. Словом, долго не думал, подбежал сзади и пока они сопли пускали, каждому из них по башке надавал. Один, который мою жену пытался обнимать, сразу свалился. Второго учить благородству пришлось дважды. Как позже оказалось, обоим проломал головы. На мою беду один из них оказался сыном прокурора, а второй – директора крупного уральского завода. Не буду утомлять тебя рассказом, как меня взяли. Одно скажу, из потерпевшего перед судом я предстал почти что бандитом. Чего связи родительские только не делают! Вот и загремел под фанфары за злостное хулиганство. Показания жены и ее подружки к сведению никто всерьез не принял. Короче, дело обернули не в мою пользу. Сам знаешь! У них, у отцов города, и сила и власть! Куда нам до них, простым горожанам. Вот и представь себе теперь, каково мне на душе было в тот день, когда я жену увидел с этим кабелем. Сергей Есенин говорил по такому поводу так :

Да! Есть горькая правда земли
Подсмотрел я ребяческим оком :
Лижут в очередь кабели
Истекающую суку соком
Так чего ж мне ее ревновать,
Так чего ж мне болеть такому?
Наша жизнь – простыня да кровать,
Наша жизнь – поцелуй, да в омут.

Приоткрыв рот, Володя с интересом слушал, но Алексей уже закончил свою исповедь и потому молчал, крепко задумавшись о чем-то своем.

-Да, Леха, пообломала тебя жизнь... - прервал Володя затянувшуюся тишину. А про себя подумал : «Что окружает сейчас этого человека? Пустота и беспросветность. Человек без будущего, нравственно опустившийся мужик – ни больше, ни меньше. Жизнь не пожалела Алексея обойдясь с ним жестоко и сурово. Вон и на голове, вроде бы, пышная шевелюра, но к своим сорока шести, волосы сделались седыми. Тяжелые морщины пролегли паутиной вдоль лба. Взгляд, когда весел, когда тоскливо угрюм. Что скажет ему хозяин, то и сделает. Собачья жизнь. Захочет Титов – пожалеет, захочет – на улицу выгонит. Словом жи-и-знь! И у каждого разная....

Послесловие

Прошло три года. Володя уже давно не работал в охранной фирме под руководством Титова. Но вот волею случая ему пришлось посетить печально известную службу безопасности «Стоп». Где после решения своих личных вопросов он и узнал о дальнейшей судьбе Алексея-Есенина.

-Утонул твой Есенин! Усмехнулся Шелепин, начальник охраны. Год назад, не рассчитав силенок и в полном опьянении решил одно озерко переплыть. Ну и.... переплыл... Какие могут быть еще комментарии?

Действительно, комментировать неудавшуюся жизнь «Есенина», человека с трагико-комической судьбой не стоило. Хорошо, что это хоть не случилось в затопленном подвале Титова. Почему-то с грустью подумал Володя. Впрочем, возможно Алексею больше повезет в другой жизни, если таковая имеется?...

09.97 г.

Чертовщина

Сергею Химеону-музыканту и товарищу
бард-группы «Пиво», рано ушедшему
из жизни, посвящаю.

Вот уже десять лет прошло с того дня, как со мной приключилась эта невероятная история. До сих пор не могу понять, правда ли было все то что произошло в тот жаркий июльский день, когда я случайно оказался свидетелем этого жуткого события. Однако, все по порядку.

В тот день была отличная погода, и я на своих стареньких «Жигулях» (копейке) решил рано утром выехать из Львова в село Яворив за кое-какими продуктами. В те советские времена с питанием были вечные проблемы. Если утром не встал в очередь за молоком или колбасой, считай день пропал даром, так как уже к одиннадцати-двенадцати часам полки магазинов пустели. Впрочем, особо удивляться не приходилось. Мы все жили при процветающем социализме, где было очень весело, когда люди шли на Первомайские и Октябрьские парады, и немножко грустновато, когда дело доходило до колбасы, которой еще и не всем хватало. Володька напросился ко мне в попутчики, так как в тех краях у него жила теща. Он тоже собирался на днях туда съездить. А тут как раз я подвернулся со своими «Жигулями». Чего еще лучшего желать?

У Володьки после года жизни с Надькой рос крепыш Петька, так что свежие сельские продукты были бы как нельзя кстати. Поэтому как деловые мужчины после недолгих сборов мы вскоре выехали за город. Чтобы скоротать как-то время, начали с воспоминаний. Мы с Володькой раньше были музыкантами, еще год назад часто играли в деревнях на свадьбах, подрабатывали в ресторанах и кафе. Словом не скушали. Поэтому вспомнить было, что в дороге.

-А помнишь, как Серега – наш бас-гитарист, в дым пьяный лицом в торт угодил? Вовка смеясь, закурил папиросу. Вспомнив вдруг облепленный бисквитным кремом вытаращенные глаза Сергея, рассмеялся и я.

-Да, чертовски весело было!

-А Любчик! Ха! Помнишь, мы с ним тогда соревновались, кто кого перепьет самогоном! А ведь через полчаса нужно было снова играть и быть в форме. Вот давали! Эх, молодежь!!!

-Кстати, вспомнил я, ты же, Володька, у нас тогда знаменитым Дон-Жуаном был. Еще соло-гитарист Боря – Чичик предупреждал тебя, что бабы до добра не доведут. Я никогда не забуду, как ты молодуху соблазнил. И ни у кого-нибудь, а у самого жениха, правда в доску пьяного и валявшегося под лавкой, но все же, все же...

-Это не я соблазнил ее, нахмурился вдруг Вовка.

-Ты же прекрасно знаешь, что в этом деле была ее полная инициатива.

-Да, да, ты прав, - согласился я. Она первая пригласила тебя на танец с платочком. Крепко же вы тогда целовались в кругу веселых гостей. Хотя, впрочем, ничего удивительного, что она тебя выбрала, недаром все сравнивали тебя с Ален Делоном*. Все бабы всегда были твоими. Я снова рассмеялся.

-Да ладно тебе! Вовка как-то поскуучнел.

* - известный французский артист

-Ну чего скромничаешь?! – не унимался я. Жены твоей здесь нет, чего бояться того что было? Это ж надо было додуматься пойти с невестой в стог сена и право первой ночи разделить с ней, тем самым обойдя в этом, мягко говоря, бедолагу жениха. Правда, в тот вечер он был так пьян, что вряд ли мог бы с ней что-нибудь сделать. Но все же, все же..., вновь смеясь, повторил я. Но тут же спохватился. Как я мог забыть то, что произошло потом! А ведь после того как Вовка «побывал» с невестой и случилась та непонятная, страшная трагедия.

Оставив после страстной любви молодую в стогу сена, Вовка пошел обмыться к ближайшему ручью. Накапывал дождь, где-то в небе блеснула молния. Гости стали искать пропавшую невесту, и тут вдруг произошло ужасное. Огромный, ослепительно белый луч пронзил стог сена, на котором в белом платье отдыхала невеста. Электрический заряд молнии был настолько мощным, что загоревшееся подвенечное платье несчастной девушки вместе с сеном очень скоро превратилось в бушующее пламя. Криков жертвы не было слышно, очевидно смерть пришла мгновенно. Через несколько дней, тело погибшей, а вернее обугленные кости отпевали тут же в деревне в местной деревянной церквушке.

-Ты знаешь, вдруг после небольшой паузы сказал Володя. Я когда пришел в церковь на отпевание, то отчетливо услышал в середине молитвенного пения возле себя чей-то голос. Я с удивлением посмотрел на Вовку.

-Да, да не смотри на меня так. Я явственно тогда услышал : «Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную». Я оглянулся по сторонам, но вокруг меня были только родные и близкие погибшей. Знаешь, я про все это еще никому не рассказывал, но мне стало страшно. Я все понял : в ту ночь Господь наказал грешницу за распутство. В ту же минуту я вышел из церкви и побежал к автобусу, чтобы быстрее покинуть это село. Я ведь и приехал сюда только потому, что чувствовал себя виновным в ее смерти и хотел за нее только помолиться, чтобы там, в Божьем царстве, ей было лучше, нежели в этой жизни. Но, Славка, веришь мне или нет, самое страшное в этот день было еще впереди...

Я с друзьями до приезда во Львов немного поддал спиртного, чтобы хоть на время отключиться от тяжелых раздумий, но ничего не помогало . И тогда ближе к вечеру я пошел побыстрее спать. Голова раскалывалась, а на душе было скверно. Уснул я быстро, и вот во сне, Славка, приходит ко мне.... Она. Вся в белом, как в ту роковую ночь, и с таким же белым лицом без единой кровинки, словно смерть из сказок. Только косы не хватает.

-Не отпущу я тебя, - говорит она мне. И скоро будешь ты только мой. А если женишься, через год и сорок дней придет за тобой женщина в черном. Запомни Владимир, я жду тебя... Сказала это и исчезла. Проснулся я весь потный, хмель из головы как ветром сдуло, и форточка в окне открытая качается. Как сейчас помню, все было закрыто, не открывал я ничего! Короче, с этого страху я в холодильнике еще четвертушку нашел и почти всю ее приговорил. Полегчало. Знаешь, проспал почти до обеда следующего дня. Так прошел год, а потом все потихоньку забылось. Махнул рукой я на все свои страхи и женился на Надьке, не век же бобылем куковать. Вот уже больше года с ней живу. Слава Богу, пока все нормально.

-Да, однако, сон у тебя был, - улыбнулся я. Мурашки по коже даже у меня пробежали. Говоришь, дала она тебе год и сорок дней сроку? А сколько точно ты живешь со своей Надеждой? Вдруг ни с того ни с сего посмотрел я на Вовку.

Нужно было видеть его лицо, оно стало белее сметаны и я уже пожалел, что спросил его об этом.

-Ну ладно, ладно, - рассмеялся я. Что-то мы с тобой сегодня не ту тему взяли обсуждать. Лучше расскажи про свою тещу. Небось ладите? Нормально все? Володя не ответил, он как бы застыл в одной позе, не понимая моих слов. Я замолчал, уставился в лобовое стекло и больше его ни о чем не спрашивал.

-А ведь сегодня ровно год и сорок дней после моей свадьбы..., вдруг услышал я Вовкин голос.

-Ну и что из этого?! Рассмеялся я. Ты что в сказки верить собрался? Ладно Владимир, не будь пацаном, забудь про свой сон, скоро уже к селу подъезжаем. Неожиданно у поворота налево я увидел поднявшую руку красивую девушку в черном бархатном платье с ярко накрашенными красной губной помадой губами. «Какое красивое сочетание красного и черного цвета!» - подумал я и остановил машину.

-Куда красавица путь держишь?

-Да тут недалеко, мне нужно в Яворив попасть, - услышал я нежный голос.

-Хм! Так и мы туда едем! Считай паночка, вам крупно повезло! Володя, открой даме дверку, грех не взять такую девушку!

Вовка, сидевший рядом и думавший о чем-то своем, не обратил на красивую девушку ни какого внимания, но заднюю дверь все же открыл. Та элегантно села на заднее сидение, и салон «Жигулей» сразу наполнился приятным ароматом французских духов. Я нажал на газ и мы вновь поехали.

-Здесь курить можно, панове?

-Без всяких сомнений! Я старался быть эталоном мужской вежливости. Она щелкнула зажигалкой и аппетитно затянулась американской сигаретой. «Интересно, подумал я, - где она их взяла при нашем вечном советском дефиците?»

-Отличный запах, вслух сказал я. Люблю когда курят хороший табак.

-Угощайтесь! Незнакомка протянула мне пачку «Мальборо».

-О! Благодарю! - обрадовался я, беря сигарету свободной рукой.

-Берите и вы! Она протянула Вовке открытую пачку.

-Спасибо, что-то не хочется. Вовка улыбнулся и посмотрев в глаза девушки, вдруг побледнел. Он смотрел на нее секунд десять, не отрываясь, а затем ничего не сказав, резко отвернулся к окну.

-Чего затих-то? - рассмеялся я, глядя на вновь умолкшего Вовку, объясняя его молчание смущением перед красивой девушкой.

-А чего говорить-то, ты лучше на дорогу внимательно смотри, как бы чего не вышло.

Его пальцы дрожали, и эта нервозность начала передаваться и мне. Но я все же попытался продолжить разговор и с наслаждением прикурив дареную сигарету, решив удивить друга, вытащил из бокового кармана пиджака маленькую синенькую книжечку с желтым крестом на обложке и протянул ее Володе :

-На, вот, почитай «Новый Завет». Неделию назад с трудом купил по блату, немного отвлечешься, почитав праведное слово.

И с этого момента в автомобильном салоне для меня начала твориться масса непонятных вещей. При виде святой книги с девушкой вдруг стало происходить что-то странное. Она вся затряслась, закрываясь руками от направленного на нее Библейского креста, выронила сигарету на пол и громко застонала. Густая помада

стала понемногу спадать с трясущихся губ, делая их подозрительно синими. Я наблюдал за ней в зеркальце. Она... менялась на глазах и была уже совсем не красива, даже наоборот – ее лицо стало походить на череп без мяса и кожи. С перепугу я жадно затянулся сигаретой, успев правда нажать на тормоз. Потом вдруг начал терять сознание и проваливаться куда-то в черную бездну. Последнее, что я успел услышать – это истерический крик Вовки и чей-то смех, напоминающий раскатистое горное эхо.

... Кто-то тряс меня за плечо. Я открыл глаза и увидел седого мужчину, который пытался меня разбудить. Заведенный мотор «Жигулей», не утихая, исправно работал, как будто ничего и не произошло. Но машина стояла на месте, никуда не двигаясь.

-Ты чего, сынку. Погано тоби, чы шо?

-Да нет, диду, все нормально, что-то видно с сердцем случилось. Но уже все прошло.

Я осмотрел машину : в ней никого не было. Куда пропал Вовка? Странной девушки в черном бархатном платье тоже не было. Чертовщина какая-то!

Господи, «девушка в черном», вдруг вспомнил я слова Володи. Неужели это все было на самом деле и мне ничего не приснилось? На том месте где сидел Володя, лежал мой «Новый Завет», а заглянув на заднее сидение, я увидел на полу недокуренную, тихо дымящуюся (!) сигарету с отпечатками красной помады на фильтре.

«Господи, помоги мне очиститься от дьявольской напасти», - набожно перекрестился я, нажимая на педаль газа...

С того страшного, памятного дня прошло вот уже десять лет, и все это время ни я, ни жена Володи не знаем, куда пропал мой друг и отец уже подросткового Петьки. И тут мне почему-то подумалось, что если я умру и вдруг не увижу ТАМ ни Ада, ни Рая, я не колеблясь, имея такую возможность, вновь повторил бы оставшимся жить на земле людям такие слова : Бог существует!

04.95 г.

Мария Ивановна

Мария Ивановна смотрит в зеркало и видит свое уставшее, потрепанное жизнью отражение. Она живет с двумя детьми – десятилетним Сашкой и семилетней Иришкой. Муж, который умер пять лет назад, оставил ее без копейки в кармане, так как был пропащим алкоголиком, да и смерть свою нашел неожиданным образом. Как-то будучи довольно выпившим, он зашел в незнакомый подъезд по своей нужде, поскользнулся и упал на мусорный ящик (раньше мусорные баки стояли в каждом подъезде) перерезав об ржавый край горло. После потери сомнительного кормильца, Марья Ивановна открыла свое дело. Не пропадать же бедной, еще не увядшей женщине в столь неуютном мире без куска хлеба. Почти каждый вечер Мария Ивановна выгоняла из дому Сашку и Иринку, приводя в квартиру очередного любовного партнера. Надо сказать, что она и при муже не страдала супружеской верностью, но те измены были, так сказать, для души, а теперь пошла настоящая работа. В те моменты, когда Мария Ивановна выгоняла Сашку и Иринку из дома, дети, будучи себе на уме, подкрадывались к окошку и наблюдали за любовной потехой своей мамочки, благо окно первого этажа выходило во двор. Если Иринке было плохо видно, Саша подносил сестренку на руках поближе к окну, чтобы и она поглядела на маманю, которая делала непонятные резкие выпады, напоминающие аэробику, в бывшей папиной кровати. Иришка часто хныкала, что из-за высокой спинки кровати видна лишь быстро вздымающаяся и столь же быстро исчезающая мамина задница. На что Сашка деловито всегда отвечал : погоду чуток...

Всех маминых клиентов дети знали почти как родных и всегда здоровались. Те в свою очередь приносили им конфеты и другие сладости. Но одного маминного клиента Сашка все-таки недолюбливал. Это был толстый бухгалтер, который еле пролезал в проем двери и почти никогда не улыбался. Причем в постели являл собой – неподвижное бревно.

«Ну погоди хлыщ, я тебе покажу» - поклялся Сашка, ты у меня еще подергаешься, и к следующему его приходу подсыпал на простыню немного перцу. А сам с Иришкой притаился под окном, ожидая самого интересного. Когда Мария Ивановна добросовестно начала делать свое дело, ничего не подозревающий бухгалтер стал поерзывать задом, дальше – чаще. А вскоре и вообще стал походить на отбойный молоток. После чего Мария Ивановна взлетала вверх, словно воробышек блаженно чирика. Явно не ожидавшая от толстяка такой прыти. После того случая бухгалтер в их доме больше не появлялся. Но дети еще долго вспоминали пузатого дядьку, без перерыва почесывающего свою непомерных размеров ягодицу.

.....

Иногда бывали дни, когда к Марии Ивановне приходило сразу три-четыре клиента и чтобы не терять богатый улов, она впускала их к себе всех сразу. В одной из комнат располагались страждущие мужики, которые ели, пили, резались в карты и, конечно, не отказывали себе в небольшой утехе прислушиваться к скрипящим

звукам в соседней комнате. Гости громко комментировали отдельные воображаемые сексуальные па и даже приветствовали того, кому удавалось своей страстью вырвать у возбужденной Марии Ивановны протяжный стон. Ну а если Мария Ивановна закатив к потолку глаза, громко кричала, все гости вставали из-за стола, подносили наполненные стаканы и пели «Многая лета» за героя сегодняшнего дня.

Но так вечно продолжаться не могло, всему приходит когда-то конец. Время брало свое, Мария Ивановна старела и не могла уже завлекать постоянных клиентов, а значит ухудшались и жизненные условия. К тому времени Сашке исполнилось восемнадцать лет и Мария Ивановна решила женить своего непутевого оболтуса на дочери своей хорошей подруги. Как объясняла она своим знакомым : «может хоть пить меньше станет, а то ведь весь в отца-пьянчугу пошел, хулиган этакий. Да и за Иринкой надо бы начать присматривать, совсем от рук отбилась девка. Бывает, по три-четыре дня пропадает, где ее черт может носить, стерву такую?» - страшно ругалась Мария Ивановна, на чем свет кляня проклятую жизнь в государстве, которое плодило как под копирку, что инженеров партиями, что пьянчуг и проституток стаями. Когда Сашка узнал, какую судьбу ему готовит маманя, он стал поначалу упираться, но так как он был хулиганом слабодушным, то на первую же угрозу матери сдать его в психиатрическую больницу, нехотя кивнул пьяной головой. Свадьбу закатили по скромным социалистическим возможностям на тридцать человек в кругу своих близких. Сашка сидел с кислой физиономией возле невесты, долгое время пытаясь не смотреть в ее сторону, чтобы не портить себе аппетит, но эти настырные родственники все время кричали : «Горько!». Как будто он и сам не знает, что его жизнь сладостью и не пахнет. Но особенно старалась его сестра Ирка.

«Вот дура, я тебе это припомню» - зло смотрел на нее Сашка, но тем не менее честно приподнимался со своего места. Невеста все время жалась к Сашке и дышала ему в нос консервированной ставридой в томатном соусе. С тяжелым сердцем Сашка чмокал томатные губы и незаметно сплевывал в сторону.

....

Прошел месяц после свадьбы, но Сашка ни разу не ложился в постель с молодой женой, спали порознь, если, конечно, не считать первой пьяной брачной ночи.

Однажды Мария Ивановна собрала семейный совет, пригласив на него и новоявленных родственников Сашкиной жены – отца и мать. К слову, таких же любителей выпить и погулять, как и сама Мария Ивановна.

-Вот, что я вам скажу, - начала Мария Ивановна, - жить на что-то надо, а мои тяжко заработанные сбережения тают быстро. Да и у вас, мои родственнички, я знаю, не густо в финансовом отношении, - обратилась Мария Ивановна с вступительным словом к Нине Петровне и Василию Васильевичу, родителям Сашкиной жены.

-Я предлагаю открыть у меня дом терпимости, и так как я уже стара до таких игрищ, есть мнение, что ты, моя милочка, должна поработать, - Мария Ивановна посмотрела на Нину Петровну. Не забывай, что ты на десять лет меня моложе!

-Не позволю! Не дам! Стукнул по столу кулаком Василий Васильевич. Ишь чего захотела стерва!

-Ага! Завопила Мария Ивановна, когда я содержала целый месяц вашу дочку, да и вас возле нее, кормила, поила, то все было прекрасно! А теперь, когда надо подзаработать, так сразу в кусты!?

-Я слаба к такой работе, - запротестовала Нина Петровна.

-Она очень слаба, - подтвердил Василий Васильевич, мы с ней не чаще одного раза в две недели барахтаемся и то недолго.

-У меня идея – влез в разговор Сашка. Если моя теща не может исполнять такую почетную работу, то пусть этим займется мой бедный пупсик, у нее хорошо получится, к тому же она еще чертовски молода... и уродлива – уже про себя подумал Сашка.

-Я парень современный, так что отдаю свою любимую женщину на общее дело.

Сашкина жена – Галя вспыхнула как солнце и опустила глаза. Сразу было видно, что мужнину жертву она оценила, как подарок судьбы. Вот когда она, наконец, дорвется к мужским ласкам, которых так долго ждало ее девичье тело.

-А добытые деньги будем делить так : поскольку жена моя, то мне причитается большая часть..., - начал было Сашка, но Василий Васильевич услышав про деньги сразу вспомнил, что разговор идет о его дочери и вновь стукнул кулаком по столу.

-Это моя дочь и точка! Шестьдесят процентов прибыли мои... то есть наши, поправился он, обнимая за талию Нину Петровну.

-А мне сколько? Отстранилась от него Нина Петровна. Я же ее родила! Девять месяцев носила! А сколько мучений и боли!

-Не девять, а семь, сказала Мария Ивановна, через то она такая худющая и родилась в ноябре месяце.

-Как это семь? Насторожился Василий Васильевич. Как же так? Меня посадили в зону в январе месяце... Да и в свидетельстве о рождении, по-моему, записан месяц октябрь...

-Не знаю, не знаю, что и где написано, а твою женушку я забирала из роддома в ноябре месяце. Еще свою пятерку за такси заплатила, которую ты кстати, Нина, мне до сих пор не отдала.

Нина Петровна сидела с побледневшим лицом и трясущимися губами. Василий Васильевич медленно повернулся к Нине Петровне и внимательно на нее посмотрел. Затем, не долго думая, заехал Сашкиной теще в зубы. Нина Петровна, раскинув руки, упала со стула, пытаясь обнять, необъятное.

-Вот сука, не выдержал Василий Васильевич, через сколько лет доводится такое узнавать. Он сразу сник, понимая, что его доля после такой новости значительно падает.

-Вот и хорошо, вот и разобрались, обрадовался Сашка. Значит, вам мои дорогие после такой сногшибательной новости полагается по двадцать процентов на каждого. Нашей семье – остальное, на этом ,я думаю, мы и порешим.

Споров больше не было. Проблема закрылась как бы сама собой и все новоявленные бизнесмены, кто смеясь, а кто угрюмо чертыхаясь, вновь уселись к столу дабы обмыть хорошее дело....

Тик – так

За окном дождь и сырой дождливый ветер. Холодный октябрь весьма назойливо напоминал о себе бегущими струйками воды по грязному стеклу небольшого окна сторожки, возле которого за столом рядом с горячей электропечкой сидел, что-то усердно пишущий, Артур. Он работал охранником небольшого автопарка, который принадлежал «Уралэнерго». В вечернее время сюда заезжали пять-шесть легковых машин с просьбой поставить их за умеренную плату на стоянку до утра. Живые деньги всегда были кстати, поэтому работающие здесь охранники всегда с интересом откликались на такие просьбы, предоставляя место для парковки машин без лишних разговоров.

Часы показывали половина десятого вечера. Ворота Артур закрыл на замок, оставив открытой лишь небольшую калитку. Основной костяк старых клиентов уже доверил свой транспорт под охрану Артуру и поэтому у него появилось, наконец, время для написания статьи о городском аэропорте, которую он должен был отнести на завтра в газету. Артур учился в университете на факультете журналистики и поэтому часто сотрудничал с местными газетами по поводу интересных явлений, происходивших в городе. Работа над событиями, произошедшими недавно в аэропорту «Кольцово» шла быстро и весело, без выстраданных, как иногда бывает в таких случаях у журналистов, обиденных скучных фраз. Внезапно дверь в сторожку открылась и на пороге появилась мокрая от дождя женская фигура.

-Извините, а разве сегодня не Андрей работает?

На вид ей было не больше двадцати трех лет. Красивый разрез черных глаз и колечками спадающие на плечи, такого же цвета мокрые волосы, делали ее весьма желанной и привлекательной.

-Нет, Андрюха работал вчера. Сегодня, к сожалению, моя смена.

-Извините. Девушка повернулась спиной к Артуру и уже готова была выйти на улицу, но почему-то передумав, снова резко повернулась.

-Послушай, у меня сегодня очень плохой день, - незнакомка не заметив, что обратилась к Артуру на «ты», как к старому знакомому, продолжала дальше.

-Ты не возражаешь, если я сейчас схожу в киоск за спиртным. Так хочется сегодня с кем-то провести этот вечер, страшный вечер.

-Ну почему же страшный? Вечно эти женщины всегда все преувеличивают! Артур было засмеялся, но тут же осекся, увидев ее странные, как у слепой глаза.

-Ты знаешь, против хорошей водочки и симпатичной девушки я никогда не против, вновь улыбнулся он. Но сегодня у меня много работы. Понимаешь, как тебе это объяснить? Мне нужно сегодня, во что бы то ни стало закончить статью в газету, чтобы уже завтра отнести ее редактору. Времени, сама видишь, в обрез. «Тик-так, тик-так», - считают часы для меня оставшиеся крохи этой ночи, - он снова попытался смеяться.

Незнакомая брюнетка передернула плечами, она посмотрела на Артура, как на инопланетянина дикими, испепеляющими глазами женщины, которой только что нанесли жестокое оскорбление. Она презирала его. И Артур это явственно видел. Ее ненависть он прочувствовал всем своим естеством и впервые в жизни осознал себя совершенно незащищенным перед этой странной девушкой.

-Тик-так, считают часы... , почему-то повторила она слова Артура.

Дверь громко хлопнула от мощного удара. Единственное стекло в оконном проеме жалобно зазвенело. У Артура поползли мурашки по коже, а мысли, которые еще недавно он хотел изложить на бумаге, перепутались и потерялись. Он, действительно, не знал сейчас о чем писать дальше.

-Чертова баба, все так испортила! Артур в сердцах кинул ручку на стол. Просидев так какое-то время, отрешась от всего земного, он понемногу успокоился и вновь, но уже без бывшего творческого запала, взял в руку авторучку.

....

Прошло еще три дня. Как всегда по пятницам Артур подошел к газетному киоску за телепрограммой на неделю и не долго думая купил «Вечерний Екатеринбург». В этой газете его всегда привлекали, в основном две темы. Первой, как уже упоминалось, являлась недельная телепрограмма, второй – тема криминала прошедших суток.

«... Вчера в речном водоеме реки Исеть был обнаружен труп молодой женщины 22-25 лет. На пострадавшей был черный плащ и такого же цвета сапоги. Признаков насильственной смерти не обнаружено. Волосы черные...»

-Господи! У Артура похолодела спина. На незнакомке, которую видел Артур в ту ночь был тоже черный плащ и черные сапоги. Годы и волосы тоже совпадали. Что же такое могло произойти с человеком, чтобы он так просто, в общем-то добровольно, мог лишиться себя жизни? В том, что это было самоубийство, Артур сейчас почему-то не сомневался. Она хотела побыть с ним в те роковые для нее минуты. Возможно, согласись он тогда провести с ней ночь, и симпатичная брюнетка была бы сейчас жива. Проклятая статья! Никогда не знаешь на чем остановить свой выбор в этой жизни, дабы потом не каяться в каких-то своих действиях. В голову вдруг поневоле пришло воспоминание из далекого детства. Тогда он с такими же как и сам десятилетними пацанами увидев однажды идущего в церковь священника начал освистывать его и дерзко насмехаться над ним. Советская власть всегда смеялась над Богом. А они в ту пору были кровными детьми существующей системы. Артур был к священнику ближе всех мальчишек и, помнится, смеясь спросил его тогда : «А что, падре (это слово он слышал от матери, которая читала ему недавно роман «Овод»), счастлив ли ты в этой жизни?». Он приготовился со своими сверстниками посмеяться над ответом попа. И поэтому веселая улыбка уже блуждала по его лицу. Священник почему-то остановился, внимательно посмотрел на Артура и сказал : «Конечно, счастлив, дитя мое, также как и ты, и эти неразумные отроки. Человек счастлив уже только потому, что с Божьей милостью появился на этой грешной земле. Он видит эту жизнь, вкушает ее добрые и недобрые стороны, он видит солнце и голубое небо. Если бы тебя не было на этом свете, ты просто не знал бы всего этого. Вот почему, когда у человека несчастье и он вдруг самовольно решается лишить себя Богом данной жизни, это есть для него непростительный грех! Запомните, сорванцы малые, Господь даровал вам на недолгое, мимолетное время самое ценное в этом мире – ваше существование!» Самое странное, что после этой короткой проповеди, так ничего и не понявшие тогда мальчишки, молча, без всякого смеха расступились пропуская гордого старика к церковным воротам. Вспомнив сейчас эту давнюю

детскую историю, Артур достал в задумчивости пачку сигарет, щелкнул зажигалкой, жадно прикуривая импортную сигарету, рассеянно огляделся по сторонам, как бы ища кого-то глазами, затем машинально свернул газету в трубочку и сутулясь не то от холода, не то от какой-то беды, вдруг навалившейся на его плечи, пошел своей дорогой.

09. 96 г.

Богатые и бедные

В магазине, который принадлежит Екатеринбургскому мясокомбинату, народу было немного. Впрочем, это было и не удивительно, после августовского кризиса (дефолт-98-го года) цены на товары и продукты взметнулись до столь высоких отметок, что нестерпимо хотелось материться причем не переставая, пока не полегчает на душе.

Виктор Степанович недобрым взглядом огляделся по сторонам и пройдя через полупустой зал магазина стал в очередь из трех человек, дабы купить на ужин полкило сравнительно недорогой колбаски.

-Как хорошо, что я успел вовремя развестись с женой! Улыбнувшись, вспомнил свой «подвиг» Виктор Степанович. Настроение начало улучшаться. Можно только представить себе, как бы она меня сейчас поносила своим стонущим криком бабы-яги.. А ее коронное : ты не мужчина! Если не можешь прокормить вечно голодную семью, любого нормального мужика в больницу загонит. Виктор Степанович вздохнул блаженно, на полные груди аромат копченых и не копченых колбас, килограммами лежащими за спинами толстеньких теток благодарно смотрящих сытыми глазами на оголодавших покупателей, и готовых за определенную сумму исполнить любое колбасно-мясное желание уважаемого клиента.

-Господи! Как жить теперь-то? Пенсию уже два месяца не платят. Мне уже восемьдесят годков! Я ведь и на фронте в «отечественную» воевала!... Причитание впереди стоящей старушки заставили Виктора Степановича оставить свои раздумья и посмотреть на бедно одетую женщину. А между тем хоть очередь была невелика, прошло уже больше пяти минут, но не один человек не сделал и шага по направлению к прилавку. Молодая женщина в кожаном плаще, что-то усиленно набирала в просторный пакет с изображением огромной задницы в виде джинсов «Levis».

Ох сколько можно... Ведь долго же... Перестав жаловаться на свою жизнь, вдруг переменила тему непоседливая старушка.

-Не переживай бабуля, уже скоро. Просто я попросила нарезать мне дольками колбасу и грудинку, успокоила старушку раскрашенная брюнетка.

-Рук то у меня нету! Засмеялась она.

-Как так нету? Заволновалась бабуля.

-А это что из рукавов выглядывает?

-Наманикюрилась я бабуля! Наманикюрилась! Да и разве с такими длинными ногтями, что-то можно толком отрезать?

-Тыфу-ты! Покачала головой старушка. А я и вправду твои слова на веру голубушка приняла. Ох, и шуточная молодежь пошла.

-А хочешь бабуля я тебя колбаской угощу? – брюнетка вопросительно посмотрела на старушку. Губы старушки задергались, но она почему-то смолчала. Наконец, получив свою покупку и расплатившись за мясные деликатесы, улыбаясь брюнетка вновь повернулась к притихшей старушке и щедро протянула ей пятьдесят рублей.

-На бабушка, купи себе колбаски и пожелай мне здоровья. Ты заслужила к себе уважение, тем более еще воевала...

-Воевала милая, воевала... Старушка растерянно смотрела на синюю купюру и слезы полились по щекам.

-Ну вот бабушка, ты еще и заплакала! Бери, не бойся, от чистого сердца даю, рассмеялась «новая русская».

-Спасибо милая... решила, наконец, взять деньги старушка. Но вместо того чтобы подойти к прилавку за колбасой, бабушка внезапно вышла из очереди и еще больше зарыдала, теперь уже без слов.

-Ну вот растерялась брюнетка. Радоваться надо, а она плачет... Ну ладно, прощай бабуля... Незнакомка быстро вышла из магазина и направилась к стоящему тут же недалеко «Мерседесу» цвета сверкающих изумрудов. Стоящий впереди Виктора Степановича мужчина сразу воспользовался образовавшимся пустым пространством у прилавка и уже заказывал себе килограммовый кусок мясного рулета. Между тем растерянность и волнение у старушки начали проходить и хотя перед ней остался один Виктор Степанович, она властно протиснулась между двумя мужчинами.

-Теперь милочка, моя очередь!

-Бери, бери бабуля, пожал плечами Виктор Степанович. Спешить ему было некуда, он был не против.

-Милая, мне ливерной, де-ше-воой! Настала, наконец, очередь бывшей фронтовички. Продавщица ставшая невольной свидетельницей предыдущего разговора молодой девицы со старушкой неожиданно предложила.

-Может бабушка тебе дать на эти деньги колбаски подороже, но хорошей? Все равно деньги даренные?

-Не-е! Милая, не надо! Дешевой ты мне взвесишь много. А дорогой сколько выйдет?... То-то-же! Что немного! Сама себе ответила бабушка. Не... делай, что тебе велено. Ливерной по двенадцати рубликов за килограмм мне на несколько дней хватит...

-Ну как знаете. Продавщица больше не спорила подчиняясь требованию не прихотливой клиентки...

Как странно все же получается, выходя из магазина размышлял Виктор Степанович. В мире всегда существовали богатые и бедные люди. Вековая бедность, наверное, уже въелась в душу русского народа, как грязь в кожу нищих. Может быть, в этом виноваты русские сказки? А какие у нас сказки? Вдруг вспомнил Виктор Степанович.

-Ну как же! «По щучьему велению», где главный герой – обыкновенный дурак и лентяй. Труд здесь воспринимается, как наказание, от которого избавляет только чудо. А сказка Пушкина о князе Гвидоне, где все живут на острове богато А почему? А потому, что у светлейшего есть волшебная белка, добывающая из орехов изумруды и золото.

Виктор Степанович нервно сплюнул в сторону. А что творится в российской глубинке? Всюду повальное пьянство. Что сделала водка с нашим генофондом – детьми? Врожденное слабоумие, внешнее уродство, перечислять не хочется. Одним Господь дает если не все, то многое. Другие на ладан дышат, так было и так всегда будет, ибо все мы разные. Никто не вправе изменить сей жизненный закон. Когда-то, давным давно, коммунисты пытались изменить мир всеобщим равноправием для всех. Семьдесят четыре года изменяли, да все как-то кособоко у них получалось. Одни имели путевки за границу, спец-магазины, спец-льготы, высокую карьеру, другие, спец-лагеря на Соловках, психбольницы (чтобы не имели собственного мнения), колбасу по два двадцать в длиннющих очередях и вечный, унижающий дефицит... Впрочем, у нынешней власти тоже не очень-то получается с хорошей жизнью для всех. Да и возможен ли рай для всех? Вопросы, вопросы на которые нет достойных ответов. И холодеет вдруг спина, когда вспоминаешь о вечном... В тот свой последний день, ты будешь жадно глотать остатки еще принадлежащего тебе воздуха и, наконец, поймешь, что в общем-то мало чего достиг в уходящей жизни. Ни дерева не посадил, ни дома не построил, ни сына не воспитал. Другие ухаживали за твоей кровинушкой, которую как скульптор ты создал и вылепил. Виктор Степанович быстро шел к трамвайной остановке, держа в голове холодную водочку, которую припас в холодильнике на выходные, да видать, не дожить поллитровке до субботы, «апося» такой философии, какая пришла ему сейчас в голову. И все из-за этих чертовых баб, которые буквально растравили благородную душу Виктора по отчеству Степановича, своим благородством с одной стороны и бедностью с другой...

P.S.

Сидя почти в пустом трамвае, идущий на Вторчермет, Виктор Степанович смотрел опустевшими, полными слез глазами в немытое пыльное окно и неожиданно заговорил сам с собой шепотом и ... стихами. Которые непринужденно рождались в его голове, хотя до этого он никогда не увлекался высоким слогом поэзии. И странное дело, у него получалось...

Жизнь уходит вместе с солнцем
И становится темно
Как проходят быстро годы
И на сердце тяжело

Что я сделал в этом мире?
Для чего я жил и рос?
Что любил, во что я верил?
Кому пользу я принес?

Вот остывшая, немая
Крадет луна мое тепло
А я и сам всовсем не знаю
Проснусь ли завтра всем на зло?

11.98 г.

Коммивояжер

-Уважаемый! Ярослав Михайлович с удивлением посмотрел на подходящего парня лет двадцати, с протянутой для рукопожатия рукой.

-Евгений, не переставая улыбаться представился он.

-Слава, растерянно ответил Ярослав Михайлович. Хотя ему было сорок четыре года, он почему-то не решился перед молодым парнем представится полным именем-отчеством.

-Слава, вы сегодня просто счастливец! Вы даже не представляете себе, как вам сегодня повезло! Почти пел неугомонный Евгений.

-Сегодня, именно сегодня, юбилей нашей фирмы – О.С.В.! Пятилетний юбилей! Я думаю, вы не откажитесь от прекрасного канадского фонаря? Представляете, он освещает дорогу дальностью в 300 метров!

-Нет, нет спасибо, не надо! Запротестовал Ярослав Михайлович, заподозривший, что ему вновь будут предлагать купить ненужную для него вещь.

-Нет, нет Слава! Вы не поняли! Наша фирма дарит этот фонарь бесплатно! Хотя он стоит 600 рублей! Это подарок фирмы!

-Да нет, все же не надо, засомневался Ярослав Михайлович, пытаясь оттолкнуть от себя подозрительную для него красочную коробочку с фотографиями импортного чуда.

Но Евгений не унимался. Неуловимым движением рук, он извлек из своей сумки дамскую косметику и положил ее поверх коробки фонаря мягко, но настойчиво вложив свои вещи в руки изумленного Ярослава Михайловича.

-Слава, чтобы вы не сомневались, наша фирма дарит вашей жене еще и эту прекрасную косметику!

-Надеюсь, у вас есть жена?

-Есть...промямлил озадаченный таким подарком судьбы Ярослав Михайлович. Даже не знаю... Если это не сказки... Вы Евгений, хотя бы телефон своей фирмы оставьте. Я позвоню вашему руководству и поблагодарю...

-Конечно, конечно, и всем знакомым и близким расскажите про нашу фирму. Пускай покупают качественные и надежные вещи только у нас. Мы находимся в центре города в магазине «Пассаж»... Кстати, Слава, а любовница у вас есть? Евгений вновь перешел на выгодную для себя тему, так и не назвав номера телефона своей фирмы.

-Нет...

-Ну, это дело наживное! В жизни всякое бывает. Надеюсь еще неизведанная любовь у вас впереди! Вот вам еще электронный будильник. Будущая любимая женщина будет от него просто в восторге. Мало ли какие нюансы могут возникнуть при романтических встречах!

-Ты на что намекаешь? Не понял Ярослав Михайлович.

-Ну как же, как же... возможно ваша пассия будет состоять в браке...,а муж на работе... В жизни все бывает... Впрочем, не будем отвлекаться по мелочам...

-Да, Слава! А дети у вас есть?

-Есть, не веря своему счастью, тихо ответил Ярослав Михайлович. Старшей шестнадцать, младшей тринадцать...

-Дядя Слава! Тут же повысил ставки своего уважения к клиенту Евгений.

-Это для вашей младшей дочери. С неисчезающей улыбкой он извлек из своей казавшейся бездонной сумки плюшевого мишку. В прозрачном перевязанном розовой ленточкой пакете.

-Право, даже не знаю, как благодарить..., совсем потерял голову, вспотевший под июльским солнцем Ярослав Михайлович. Между тем неугомонный Евгений, словно добрый волшебник, извлекал из своей чудесной сумки все новые и новые вещи, вкладывая в руки Ярослава Михайловича поочередно кассету с песнями Макаревича, электробритву которой можно пользоваться в уличных условиях, металлические прищепки для удаления головной боли...

Евгений, наконец, робко произнес Ярослав Михайлович. Может, хватит? Мне ненужно столько совершенно лишних для меня вещей.

-Дядя Слава! Вы совершенно правы! Пожалуй, действительно, хватит. Все это теперь ваше, пользуйтесь на здоровье! Единственное, что я у вас попрошу, так это заплатить десять процентов налога от товара. Что составляет сущую безделицу... всего 300 рублей!

Цепкие глаза Евгения внимательно смотрели на Ярослава Михайловича.

-Понимаете, наша фирма должна отчитаться перед налоговой инспекцией за любую продукцию... Сами понимаете наше положение...

-Ну вот, началось... ,Ярослав Михайлович перестал улыбаться и беспомощно посмотрел по сторонам. Поняв по своему смятение вмиг взгрустнувшего клиента, Евгений голосом заговорщика, при этом, страшно вращая зрачками глаз, зашептал Ярославу Михайловичу на ухо.

-Дядя Слава, видите позади нас человека с дипломатом? Это сотрудник нашей фирмы. Он за нами внимательно наблюдает! Думаю, сумма в триста рублей, достаточно

мала за столько хороших и нужных в хозяйстве вещей?

-Нет! В голосе Ярослава Михайловича появилась решительность.

-Забирайте все это. У меня все равно с собой нет сейчас таких денег.

-Дядя Слава! Подумайте! Вы ведь никогда не купите за 300 рублей столько дорогих вещей!

-Нет! Спасибо! Окончательно протрезвевший от сладостных чар назойливого коммивояжера, Ярослав Михайлович решительно всунул обратно в огромную сумку опостылевшего ему Евгения «свои» подарки.

-Дядя Слава, я на вас потратил больше пятнадцати минут! Вы мне хоть десятку за мои труды дайте! Не унимался Евгений.

-Да Женя... Неожиданно развеселился Ярослав Михайлович. Ты так хорошо начинал, а заканчиваешь, прости, как «бомж», который у пивного ларька просит на кружку пива. Впрочем, и я хорош! Уже в годах, слава Богу, а тут и сам маху дал. Словно забыл, ЧТО БЕСПЛАТНЫЙ СЫР БЫВАЕТ ТОЛЬКО В МЫШЕЛОВКЕ.

Прощай искушитель... Ярослав Михайлович повернулся к растерянному Евгению спиной и пошел своей дорогой...

06.98 г.

Слабый человек

Стояла на редкость для среднего Урала июльская жара. Термометр показывал +30С. В такую погоду хотелось на природу, где можно было бы вволю поплавать, погреться на солнышке или на худой конец попить холодного пива. Из всех нормальных человеческих желаний для меня на данный момент было доступно только последнее. Тем более после непростого трудового дня. Поэтому, не долго раздумывая я тут же свернул на знакомую улицу, где находился пивной погребок и уже через несколько минут входил в прохладное помещение насквозь пропитанное карамелево-хлебным запахом пива. Заказав сразу два полулитровых пластмассовых стакана вожаденного напитка, я поискал глазами свободное место в небольшом уютном зале и решил подсесть к одиноко сидящему мужчине с узкими со спины плечами и почему-то постоянно, возможно мне только так показалось, втянутой в плечи головой.

-Разрешите?

-Садитесь, любезно ответил незнакомец. А то в одиночку сидеть скучновато. Он улыбнулся прокуренными желтыми зубами, как-то жалко, почти боязливо.

-Ох, и жарко сегодня, после прохладного мая даже не верится, что, наконец, наступило лето, скорее из деликатности продолжил я ненужный для меня разговор, жадно опорожнив сразу пол стакана пива. К своему соседу я потерял всякий интерес и в течении нескольких минут с нескрываемым упоением отдавался успокаивающей уставшее тело янтарной влаге.

-А я вот уже почти час здесь сижу, нарушил вдруг молчание незнакомец. Домой не тянет, хоть убей. Вновь с женой поругались и все из-за этих проклятых денег. Черт бы их взял!

-И часто у вас это происходит? Поневоле втянулся я в разговор.

-Что? Не понял незнакомец. Ну, эти недоразумения ненавязчиво переходящие в скандалы? Пояснил я.

-А-а! Безнадежно махнул он рукой. Почти каждую неделю.

-Тебя как зовут? Почему-то сразу перешел я на ты. Если быть откровенным до конца, то мой новый знакомый, не внушал мне абсолютно ни какого уважения.

-Толик. А тебя?

-Дмитрий, крепко пожал я протянутую руку, от чего он скривился. Ну и сил у тебя, как у медведя. Не знаю, пожал я плечами, обыкновенное мужское рукопожатие.

-Да, сразу видно, что у тебя Дима хорошее здоровье. А у меня вот пол желудка нет. Язва проклятая одолела, пришлось резать.

-Сочувствую, как-то отстранено сказал я, возобновляя пивное наслаждение.

-Ты знаешь, мне совсем нельзя пить, оживился Толик. Когда употребляю нормальную пищу, все нормально, но стоит попить водочки или еще чего из спиртного, желудок сразу съеживается и начинает болеть, хоть на стенку лезь.

-Так ты не пей Толя, зачем наносить вред своему организму? Вновь пожал я плечами.

-Легко сказать- не пей! А как еще можно расслабиться, чтобы успокоить нервы? Вот и я не знаю, почти торжествуя обвел он пьяными глазами наполовину заполненный зал. Ты вот пойми, я ведь еще недавно в армии по контракту служил, а ушел потому что мне уже сорок два года, а замечания приходилось выслушивать

от сопляка-лейтенанта, который мне в сыновья годится. Ну, в общем, конечно, не только из-за этого.

-А в каком звании «тащил» службу? С интересом посмотрел я на Толика.

-Старшина я. И вот слушай дальше, но еще больше обиды у меня на нашего командира полка – Бойко осталось. Представляешь, у меня подошла очередь на четырехкомнатную квартиру. Я ведь свою жену взял с чужим ребенком, а потом заимел еще своих троих, так что сам понимаешь, каково мое положение, если учесть, что проживаю я с семьей в общежитии, так называемой коммуналке. Поверь мне, жизнь кажется мрачной, когда обитаешь с такой кучей людей в одной комнате и общей кухне на четыре семьи.

Так вот, слушай дальше. Через какое-то время подошла моя очередь на квартиру, и тут вызывает меня к себе командир полка и предлагает уступить четырехкомнатную квартиру какому-то полковнику, взамен предложив трехкомнатную. Ну, я дурак и согласился. Говорю, ладно, вы же знаете где я живу, если быстро получу жилье, согласен на данное предложение только бы выбраться из этой чертовой коммуналки. Ударили по рукам. А через месяц он опять меня вызывает к себе. Слушай Рукавишников, тут такие обстоятельства надвигаются, что трехкомнатную квартиру позарез нужно отдать боевому подполковнику, который недавно из Чечни приехал. Ты как смотришь на двухкомнатную квартиру? Мол, хоть завтра вселяйся. Я вновь соглашаюсь. Вы же знаете, говорю, где я обитаю, мне бы только из общаги выбраться. В общем снова согласился. А еще через месяц командир полка снова меня к себе зовет и уже предлагает однокомнатную квартиру. Мол, моя обещанная двухкомнатная квартира понадобилась еще для одного боевого офицера, на сей раз уже майора. Ну, сам понимаешь, не мне спорить с людьми, у которых большие звезды, сотрут ведь в порошок, в общем согласился я на вновь предложенный вариант. И вновь затишье. Никто ни про какую квартиру уже даже и не заикается. Короче запил я. А пить мне нельзя. Попал в госпиталь. Там взяли меня на обследование и главврач ужаснулся, когда узнал, что я службу несус с полуобрезанным желудком. Комиссовали меня быстро, невзирая на мои возражения. А командир полка и рад от меня избавиться. Сразу подписал рапорт о моем увольнении. Одной заботой с плеч долой. И я его понимаю. К чему я ему такой в полку, вечно зримый укор его лукавству и коварному обману. После этого денег в семье стало еще меньше. Раньше, как открываешь холодильник, глаз радуется, забит едой до отказа. Со склада таскал, где мой земляк кладовщиком работал, все что хотел. А теперь, как обрезало. Жена моя получает мало, где-то пятьсот-шестьсот рублей. Да и сколько сейчас можно заработать дворником? Вот и рычит на меня постоянно из-за нехватки денег, отвыкла жить плохо. А тут еще недавно с приемным сыном поскаandalил. Пьет безбожно, нигде не работает, от армии «закосил», словом тунеядец. Начал я его уму-разуму учить, а он мне вилкой в шею. Жена за милицией побежала. Он в бега. А еще через день, когда меня не было дома, он цветной телевизор «Samsung» пропил, я на его розыск в милицию заявление подал... Анатолий горестно махнул рукой и жадно припал к недопитому пол-литровому стакану.

-Да, Толя дал ты маху, если так легко согласился на замену своей одной законной квартиры на другую. К сожалению, итог печален. Чем ты думал, когда на все это соглашался, я не знаю, но только не о своих детях, которые растут быстро и сейчас остались фактически без своего жилья. Жаль мне тебя. Слабак ты, не имеющий собственного достоинства.

Анатолий, соглашаясь с моими доводами, покорно качнул головой, вытирая ладонью пьяные слезы.

А со мной через какое-то время начали происходить странные вещи. Непонятно почему, вдруг начала болеть голова, возможно от пива, возможно от отрицательной ауры исходившей от этого безвольного, слабого человека. Упало настроение. Будто неведомая чертовщина начала отбирать мои жизненные силы, подавляя организм, делая его вялым, немощным. Залпом, допив оставшееся пиво, я начал поспешно прощаться с нервирующим меня неудачником. Хотелось быстрее на воздух. На свежий воздух, где бы я мог вновь почувствовать облегчение и веру в собственные силы.

06. 2000 г.